

ЗОВИТЕ
МЕНЯ
ДЖИМ
МИЛЛЕР

ДАРЬЯ
ПОЛУКАРОВА

КОМ
ПАС
ГИД

Дарья Полукарова

Зовите меня Джин Миллер

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65847569

Зовите меня Джин Миллер : [для ср. и ст. шк. возраста : 12+] / Дарья

Полукарова: КомпасГид; Москва; 2021

ISBN 978-5-00083-757-3

Аннотация

Десятиклассница Женя Высоцкая – абсолютно неинтересный человек. Об этом ей, не скрывая, говорят и одноклассники, и родители. Дочь – настоящее разочарование, совсем не творческая личность. У нее нет никаких особых интересов: разве что посмотреть фильмы и сериалы, переводить тексты песен, слушать музыку и читать – но это разве увлечения? Женя и сама это знает. В эссе на уроке английского она честно признаётся: «I have no dreams».

Неожиданно для себя она становится невольной свидетельницей странных событий: младший брат ее одноклассника передает незнакомцу пакет с чем-то красным. На следующий день в школе только и разговоров, что о пропавших красных конверсах одного из семиклассников. Что же видела Женька? Кражу? Розыгрыш? Или что-то гораздо более существенное – что-то, что может привести к серьезным последствиям даже для случайного свидетеля?

Дарья Полукарова (родилась в 1991 году) – автор нескольких романов о подростках и тех, кто только-только пережил стихию переходного возраста. Она очень хорошо понимает проблемы, подобные тем, с которыми сталкиваются персонажи книг «Янка» Тамары Михеевой или «Первая работа» Юлии Кузнецовой. В 2019 году повесть «Зовите меня Джин Миллер» вошла в финал литературного конкурса «Подросток N», организованного издательством «КомпасГид» совместно с интернет-магазином «Лабиринт».

Содержание

Пролог	5
1	7
2	18
3	27
4	33
5	57
6	65
7	84
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Дарья Полукарова

Зовите меня Джин Миллер

Пролог

Женька Высоцкая всегда знала: настоящая жизнь случается только с другими. Однажды приняв это, она смирилась и теперь просто плыла по течению, наблюдая, как у всех вокруг творится та самая настоящая жизнь.

В одном старом американском, кажется, фильме она видела парня, который жил в прозрачном пузыре. Женька не помнила ни сюжета, ни подробностей, помнила только, что когда увидела этого парня, сразу поняла – да, она такая же. Живет в пузыре. Окружающие видят ее, разговаривают с ней, но держатся в стороне. Для них она словно не живая.

Эта мысль так прочно въелась в ее сознание, что однажды Женька и сама поверила в нее. Будто кто-то нашептывал ей – «ты же всегда это знала, чему удивляться?». И она не удивлялась.

Иногда настоящая жизнь приходила и к Высоцкой – с очередной проблемой. От них, видимо, прозрачные пузыри не защищали. Тогда Женька надевала наушники и сбегала в место, где проблемы можно переждать. Или включала очередной сериал – благо недостатка в новых не было.

Она поступила бы так же и в тот раз – сериал или музыка, сносящая уши...

Но в тот раз... ей даже не дали надеть наушники.

1

– Эй, мелкий! – ленивый голос разрезал тишину полупустого этажа.

– Развлекаешься, Арт? – хмыкнул рядом одноклассник, но Артур и бровью не повел.

– Оглох, что ли? – продолжил он, не отводя взгляда от объекта наблюдения.

«Объект» даже не обернулся, хотя вокруг заозирались все, в том числе и школьная медсестра Анна Михайловна, к которой слово «мелкий» в принципе не могло относиться.

Тут уж Артур не выдержал – пересек коридор и схватил за плечо хлипкого вида мальчишку лет тринадцати, темно-волосого и взъерошенного, точно воробей Пашка из повести Паустовского. Мальчишка только поморщился.

– Пойдем поговорим, – Артур отпустил мальчика и зашагал к лестнице, зная, что тот пойдет за ним.

– Не бей его сильно, – весело раздалось им вслед.

– Шутники, блин, – Артур даже не обернулся.

– Ну что? – насмешливо поинтересовался мелкий уже на лестнице. – Таки бить будешь?

– Топай-топай! – коротко откликнулся Артур и отвесил мальчишке подзатыльник. – Вперед и с песней.

В тот грязно-коричневый день Женька узнала секрет, который предназначался не ей. И еще прочитала одну мерзкую переписку. Да, знала же, читать чужие сообщения плохо, и всё равно... Собственно, не прочитав ее она и не могла, потому что переписка отображалась в ее телефоне, а значит, у Женьки не было поводов чувствовать себя виноватой, раз кто-то просто не уничтожил улики.

Вчера Вика брала ее телефон, чтобы войти с него в ВК, и забыла выйти со своей страницы. Сегодня приложение открылось на сообщениях. Сначала до Женьки не доходило – сообщения и сообщения, но одна фраза зацепила, и, вчитавшись, она поняла, что ничего подобного не писала, а потом и вовсе увидела свое имя. Свое и... Макса Стрельникова из параллельного класса. Женька якобы вешалась на него и ее попытки привлечь его внимание были смешны и нелепы. Именно так Вика и писала Лене: *«Смешная и нелепая! Она еще на что-то рассчитывает! У нее нет шансов! Такие, как она, ему не интересны...»*

Теперь Женька почему-то чувствовала вину, а еще стыд, липкий и душащий, от которого хотелось поскорее отмыться. Будто она оказалась голой перед всем классом или ее обвинили в воровстве и украденное нашли в ее вещах – такое было у нее ощущение, совсем не связанное с реальностью.

Ну подумаешь, лучшие подруги ярко и красочно перемывали ей косточки, навешивали разные ярлыки и рассуждали о Женькиной распущенности! С кем не бывает! Уже потом, в классе, когда и Вика, и Лена вели себя так, словно ничего не произошло, она поняла, что не может больше сидеть в одном помещении с этими двумя, и ей оставалось только сбежать.

Она и сбежала. И потому разгоревшийся следом скандал с красными кедами какого-то семиклассника благополучно пропустила. Слышала что-то краем уха, но даже на мгновение не задумалась о новости. Мало людей нашлось бы в мире, кто, узнав о предательстве друзей, станет интересоваться судьбой чьей-то похищенной обуви, пусть и дорогой. Вот и она не заинтересовалась.

В качестве укрытия была выбрана крыша старого сарая с инвентарем в глубине школьной территории, у забора. Место по-своему легендарное – к нему приходили прогульщики, экстремалы, для которых верхом экстрима было покурить на школьном дворе, парочки, назначающие тайные свидания, и враги, вызывающие друг друга на стрелки.

Сама Женька не сидела на крыше сарая много лет, с тех пор, как еще мелкими они лазали сюда с Вадиком Суховым, играя в прятки в летнем лагере. Об их тайном месте до поры до времени не знал никто, и в прятках им не было равных, пока о нем не растрепала тогдашняя Женькина подружка Маша Барышева. То ли она не хотела делить Вадика с Высоцкой, то ли просто обиделась, что ее не посвятили в тайну,

но однажды утром о секретной крыше узнали, и после этого она, ясное дело, потеряла свою таинственность. С тех пор это место использовали все кому не лень.

Женька обычно держалась от сарая подальше, не пошла бы сюда и сейчас, если бы не безвыходное положение: она не могла уйти совсем – следующим уроком шла ненавистная физика, и на ней следовало появиться. В школе не спрячешься, да и перед входом долго не проторчишь – охранник то и дело выходит на крыльцо. Одним словом, крыша сарая была единственным Женькиным спасением.

Только было собралась хоть на полчаса покинуть эту вселенную и послушать музыку, как выяснилось, что наушники скрутились в самый тугой узел в мире, ветер достает и на крыше тоже, а на телефон ежеминутно приходят сообщения от Мирославы – соседки по парте – и Вадика Сухова. Оба имели самое непосредственное отношение к школьному телевидению и, как настоящие журналисты, интересовались всем необычным.

Не отвечая на сообщения, Женька хмуро распутывала провода наушников, слушая приглушенные мотивы знакомой мелодии, пока не стало понятно, что сегодня бесполезно ждать успеха даже в самом маленьком и незначительном деле.

«Everything's gonna be alright¹», – пел низкий женский голос откуда-то из девяностых, опровергая все ее пессими-

---

¹ «Всё будет в порядке» (англ.).

стичные мысли. Мысли почему-то не особенно опровергались, и Женька глубоко вздохнула, стараясь не порвать хрупкий зеленый проводок в припадке нервной истерики. В итоге оставила наушники в покое и легла на крыше сарая на сложенные под головой руки.

– Ну и что? Что должно быть в порядке?! – спросила она у неба. Небо промолчало.

* * *

– С чего ты взял, что я имею к этому отношение, а? Нет, ну надо же... родной брат – и предатель.

– Фальшивишь, братец, – выделяя последнее слово, сказал Артур. – Не надо считать, что ты умнее окружающих.

– Но ты же себя считаешь умнее, разве нет?

– Хватит валять дурака! – разъярился Артур и стянул с шеи фотоаппарат, включил и сунул в лицо брату. – Ничего не скажешь?

Денис пару мгновений смотрел на фотографию, а потом перевел спокойный взгляд на брата.

– Если бы жертвы твоего шпионажа увидели эти фотки, кому-то точно заткнули бы рот.

– И что же я слышу? – хмыкнул Арт. – Кажется, это угроза?

Артур Раевский часто смотрел на мир сквозь окошко видеискателя. Это окно было ничуть не хуже реального, даже позволяло увидеть множество вещей намного яснее. Он раньше других узнавал о расставаниях одношкольников, замечал мелкие грешки, вроде курения за углом школы, разборки в темных коридорах и еще массу всего запечатленного в памяти фотоаппарата. Его объектив улавливал чувства и эмоции, которых Артур не понимал и в которых не хотел разбираться. Все сделанные кадры Арт сохранял в своем архиве и, замечая нечто необычное, со смешком представлял, как многие в школе – любители тайн и сплетен – отдадут за них почти всё что угодно.

Для него же это были просто фотографии, кусочки пазла, который он ежедневно складывал из реальности; они не таили в себе ценных воспоминаний и даже не всегда несли глубокий смысл, они просто были. Служили ступеньками в постижении фотоискусства и передавали всех, кто был на них запечатлен, в истинном свете, без прикрас.

Арт не жаждал копаться в душах и головах людей, понимать и разделять их интересы, входить в их мир или впускать их в свой. Он оценивал свои работы только по факту – остановленному моменту времени на фото, – и его не интересовали истории людей, которых удалось заснять.

Однако кое-кто считал, что в этом и заключался главный минус его фотографий.

* * *

– Ну всем хороши твои работы, тут и сомнений нет, – рассуждал его наставник Ксан Ксаныч, раскладывая перед собой фото Артура, подготовленные на конкурс. – Ракурс, свет, композиция. Сюжет. Иной раз и постановку невозможно определить. Но вот люди у тебя на снимках...

Он взял фотографию, на которой две девчонки лет четырнадцати сидели на скамейке у подъезда и яро кого-то обсуждали. Вся земля под ними была усыпана шелухой от семечек, и, хотя девчонки в этом были не виноваты, складывалось ощущение, что намусорили именно они.

– Что люди? – лениво поинтересовался Артур, отводя взгляд от стены с фотографиями в студии. Он знал, что за этим последует.

– Не любишь ты людей, – подытожил наставник. – Они у тебя всегда сняты в такие моменты, которые выставляют человека не в лучшем свете.

– Ну я же не виноват, что они попадаются мне на глаза в эти самые моменты, – ухмыльнулся Арт.

– Нет, они цепляют тебя в эти моменты, – искоса посмотрел на него наставник.

– Есть разница?

– Да, просто ты подсознательно ищешь что-то такое. Ты же автор фото.

– Значит, будем считать, что это моя индивидуальная манера, – резко отозвался Раевский. Все эти разговоры о добре и любви к людям случались в последнее время всё чаще и были очень некстати. Не сейчас, когда у него осталось меньше года для воплощения большого проекта.

Этот проект – «Мир в тебе» – был идеей одного крупного бизнесмена и позволял пятерым победителям бесплатно поступить на любой творческий факультет ведущих вузов страны. Победителю нужно было лишь определиться с университетом и факультетом, и его зачисляли туда автоматически. Естественно, стать победителем было совсем непросто.

Артур мечтал об участии в этом проекте уже несколько лет – и вот с этого года наконец имел право подать работы на конкурс.

У Артура Раевского была цель: получить защиту в виде этой победы. Чтобы никто уже не мог ему указывать, что делать, куда идти учиться. Чтобы отец не оплатил ему обучение в вузе его собственной мечты и не привязал к себе еще на много лет. И сколько бы Арт ни ломал голову, выходило, что «Мир в тебе» – единственный способ стать независимым.

По условиям участники проекта предоставляли на конкурс полноценную творческую работу. Форма не устанавливалась – это могли быть и серия видео, и фотографии, и рисунки, и повесть. Намного важнее было содержание – то, что

скрывается внутри проекта. Поэтому Артур находился в постоянных поисках сногшибательной идеи, которая поможет ему победить.

Идея всё не находилась, а вдобавок возникли и претензии к его фотографиям.

– Не стоит нервничать, – говорил Ксан Ксаныч. – У тебя впереди еще много времени, чтобы что-нибудь придумать.

– Не уверен. Пока я не найду что-то действительно цепляющее, не успокоюсь.

– Для этого, мне кажется, нужно хотя бы немного представлять, что именно ты ищешь.

Да, Артур не знал, что ищет. Поэтому просто продолжал фотографировать. Ежедневный ритуал начинался возле школы. В хорошую погоду Арт не уходил с улицы до последнего, фотографируя лица и моменты встречи. Признаться, ему нравились эти минуты. До того как подростки переступали порог школы, они казались максимально искренними, были собой и потому больше, чем когда-либо, интересовали Раевского.

В тот день в конце марта, когда на фотографиях оказался младший брат Артура, Раевский был совсем не в духе, потому что проспал и занял свой пост у школы слишком поздно. Ученическая масса уже давно шла сплошным потоком, и кадры выходили так себе, ясно передавая настроение их автора.

Неподалеку от фотографа его одноклассница Женька Вы-

соцкая, казалось, ни с того ни с сего выронила свой телефон. Артур, вероятно, и не заметил бы, если бы рядом с ней не нарисовался Макс Стрельников, как всегда кинувшийся на помощь. Пока растяпа Высоцкая благодарила, а Стрельников (по лицу было видно) активно флиртовал, на его шее, особо не стесняясь окружающих, повисла девятиклассница Таня.

Ухмыляясь, Артур делал кадры один за другим, фиксируя, как Таня уводит Стрельникова в школу, а растерянная Высоцкая остается позади.

Арт мельком взглянул на часы – пора было заходить внутрь. Улов маловат, конечно, но что-то наверняка сгодится.

Раевский начал просматривать кадры и вдруг зацепился взглядом за знакомое лицо. Дэн прощался за руку с незнакомым мальчиком за оградой школы. Несколько кадров назад – и Арт явно увидел, как братец передал мальчишке объемный пакет, сквозь который просвечивало нечто красное.

Раевский взглянул вверх камеры на толпу. Конечно, Денис уже растворился и до следующей перемены его точно не найти. Непонятно почему Арт испытывал смутное беспокойство по поводу пакета. Возможно, там и не было ничего плохого. Однако, зная его братца, ожидать можно было чего угодно.

Всё с тем же мрачным предчувствием Раевский поднялся по ступенькам и, войдя внутрь, услышал ежеутреннее школьное шоу «Телеболталка», которое вели его однокласс-

ник шут Вадик и девочка из параллельного Саша. Обычно ему было плевать, но сегодня активная болтовня Сухова и Емельяновой раздражала. Правда, Раевский так и не успел надеть наушники и скрыться от нее.

– А знаешь, Саша, – произнес Вадик в тот самый момент, когда Артур проходил мимо экрана в холле, – одна птичка сейчас на хвосте принесла, что у нас в школе, не побоюсь этого слова, ЧП! Произошло оно сегодня с утра пораньше, и можешь ли ты угадать, что случилось?

– Ты меня пугаешь, Сухов! Какое ЧП, если еще даже уроки не начались?

– Только что в группу «Телеболталки» кто-то написал, что прямо сейчас семиклассники пришли на урок физкультуры и один из них обнаружил, что пропали его дорожные красные конверсы. Можешь себе представить?!

Артур замер на месте. Он больше не слушал болтовню. Красные конверсы. Денис учится в седьмом классе, и первым уроком у него физра.

2

С некоторым всплеском самоиронии Женька Высоцкая вдруг подумала, что, несмотря на грязно-коричневые краски дня, ей всё же удивительно повезло с погодой. Сидеть и кукушаться в стороне от всех, жалеть себя и придумывать способы отмщения подружкам было бы не так забавно, если бы на улице было по-весеннему слякотно и моросил противнющий дождь, а холод забирался бы под тонкую куртку. То есть, получается, погода благоволила к тому, чтобы Женька Высоцкая вела себя как плакса?

Нет, несмотря ни на что, следовало признать, погода действительно приятная. словно лето решило чуть раньше заглянуть на огонек, просто посмотреть, как тут обстоят дела. Лето... в начале прошлого лета она была с родителями в Испании, а затем сидела в городе и в самую дикую жару не покидала стен прохладной квартиры, смотрела десятками фильмы и сериалы, читала книжки. По вечерам, когда жара спадала, Вадик и Мирослава вытаскивали ее на улицу, и они проходили квартал за кварталом, вклинивались в толпы таких же безмятежных подростков, забредали в парки, попадали на фестивали и ели мороженое тоннами. А затем Мирослава уехала в лагерь, зато из своих поездок вернулись Лена и Вика, те самые подружки-предательницы, и стали смакивать Женьку с собой. С ними Высоцкая близко сошлась

за девятый класс и даже начала по наивности думать, что нашла наконец людей, максимально похожих на нее.

Как же она могла так ошибиться? И почему всегда ошибалась в друзьях?

* * *

Перед глазами всё еще стояли строки их переписки, так поразившие ее сегодня утром, – подружки обсуждали Женьку, особо не стесняясь и не боясь, что она даже случайно может это увидеть.

Еле высидев первый урок, Женька заперлась в кабинке туалета и дрожащими руками еще раз открыла приложение на телефоне. Она снова прочла переписку, в которой мелькало ее имя, чтобы убедиться: это не плохой сон и не привиделось ей, сообщения были на самом деле, и она в них значилась главной героиней. А обычное, как всегда, поведение Лены и Вики – не больше чем спектакль для наивной дурочки Высоцкой.

Дойдя до таких размышлений, Женька вышла со страницы бывшей подруги и отключилась от интернета. И сбежала из школы, пока не закончилась перемена. К сожалению, теперь урок подходил к концу, нужно было спускаться вниз, но как же не хотелось отсюда уходить! Вопреки обыкновению, сегодня здесь даже было пусто и тихо...

Словно в опровержение этим мыслям внизу послышался

разговор. Кто-то шел в направлении старого сарайчика, и, судя по всему, их было двое. Один шел быстро, четко печатая шаг, второй загребал ногами пыль и грязь. Один злился, второй упирался. Один явно был старше второго.

– Ты совсем не соображаешь, что творишь? – долетело до Женьки, и голос показался смутно знакомым. Она откинула наушники и попыталась передвинуться к краю крыши, чтобы увидеть говоривших.

– Да что я сделал-то?! – проныли ему в ответ. – Подумаешь, какая-то фотка!

– Вот же мелкий! – рыкнул первый. – Мало нам неприятностей, так ты теперь и воровать начал...

– Отцепись! Я ничего не воровал.

– Дэн, я не буду тебя постоянно прикрывать. Не впутывай меня в свои дела.

– Вечно я всем мешаюсь, – огрызнулся тот, кого назвали Дэном. В голосе его прозвучала злоба.

– Эй! Ты слышал, что он сказал в тот раз? Это последний шанс остаться с матерью. Если тебя выгонят и отсюда...

– А меня кто-нибудь спросил?

– И мне тоже достанется! Я не собираюсь из-за тебя проигрывать отцу!

– Ага. Для тебя всё – одни сплошные игры.

В этот момент Женька высунулась за край крыши, увидела двух мальчишек, и глаза ее раскрылись от изумления.

Высоким парнем оказался ее одноклассник Артур Раевский. Засунув руки в карманы черных джинсов, он раздраженно смотрел на паренька лет тринадцати. Так это... его брат? Высоцкая даже и не знала, что у Артура есть брат.

Хотя... они же совсем не общались.

Артур всегда был себе на уме. Они несколько лет учились вместе, но Женька сомневалась, что у них был хотя бы один мало-мальски содержательный разговор. Друзей среди одноклассников у Арта почти нет, зато есть привычка внезапно пропадать с уроков и потом так же внезапно появляться. И еще мастерски выкручиваться из самых сложных, запредельных ситуаций. С девчонками не заигрывает, и в школе подружки у него никогда не было. Постоянно ходит с фотоаппаратом, и каждый раз, когда смотрит на кого-то, кажется, будто он смотрит мимо.

И вот у него есть брат, и, по ходу, этот брат – вор.

– Признайся честно, конверсы – твоих рук дело?

– Конечно, – издевательски откликнулся Дэн. – Иди, стукани всем. Но в первую очередь мамочке. Моей. Ведь твоя – она где? Ой, да, ты же не знаешь...

– Мелкий га... – начал Раевский, делая шаг в сторону брата. Но в этот момент Женька, которая вдруг осознала, что слушает уже очень личные разговоры, и попыталась отодвинуться от края крыши, задела пакет, на котором сидела. Раз-

дался хрусткий шуршащий звук, оба мальчика обернулись и посмотрели прямо на нее.

– О...

Женька быстро отодвинулась вглубь крыши и замерла. Сердце ее бешено застучало.

– Блин... – протянула она шепотом. Какой смысл теперь-то прятаться? Идиотская ситуация.

– Эй... Высоцкая!

Женька сделала глубокий вдох, желая, чтобы это сразу стерло произошедшее. Но нет, так что пришлось слезать. Она перекинула сумку через плечо и, упершись рукой в клен возле сарая, старым проверенным способом спустилась в вечную мерзлоту.

Артур и его брат молчали и смотрели на нее. Но стоило девочке оказаться на земле, ее одноклассник стремительно рванулся к ней. Женька испуганно отступила, врезавшись в стену. Темные глаза Артура оказались прямо перед ней.

– Понравилось подслушивать чужие секреты?

– Я не хотела. Простите.

– Надо было сказать, что ты здесь!

– И как бы я это сделала? – дрожа, спросила она. – В какой момент надо было это сделать? До того, как вы заговорили про воровство, или после?

– Как тут весело... – протянул позади Дэн. – Кажется, больше ничего скрывать не нужно. Можно идти.

Он развернулся и пошел обратно к школе, загребая крос-

совками уличную пыль.

– Эй! – закричал Артур вслед брату, но тот не остановился.

Тогда Артур резко обернулся и встретился взглядом с Женькой, которая пыталась решить, как бы побыстрее слиться вслед за младшим Раевским.

– Черт! Кто тебя просил сидеть тут?

– Ну, знаешь... Я вообще-то не хотела подслушивать, – пробормотала Высоцкая, чувствуя, как запыхали щеки. Стыд и позор... И почему ее всегда так волнует, что о ней подумают окружающие?

– И что мне теперь с тобой делать?!

– Я никому ничего не расскажу.

– Проваливай, – выдохнул Раевский, сжимая кулаки.

Это был уже перебор. Женька помедлила, но всё же пошла в сторону школы, обогнув одноклассника. Вот же гад!

Ей казалось, что проблема яйца выеденного не стоила и уж точно не стоила того, чтобы так на нее, Женьку, орать. Она с детства ненавидела, когда повышали голос. И в шестнадцать лет ничего не изменилось.

Она так стремительно неслась к школе, что не заметила, как оставила Артура далеко позади. Влетела внутрь и попала в самую гущу школьников, вышедших на перемену. Вот так, смешаться с людьми, с толпой. На самом деле Женька не очень любила толпу, всегда чувствовала себя в ней еще более одинокой, но сейчас ей захотелось спрятаться среди этих

таких разных и таких похожих людей.

– Эй! Высоцкая! – завопил Вадик, перехватывая ее на полпути к боковой лестнице, ведущей на второй этаж. – Это ты?

Дурацкий вопрос, персонально от Вадика Сухова, знакомьтесь.

– Это я, не узнаешь?

– А почему ты была не ты на прошлом уроке?

– На прошлом уроке меня вообще не было, Сухов.

– Ты не могла быть нигде. Где-то ты всё же была.

Очередной бестолковый диалог в духе Сухова. И только люди, хорошо его знающие, понимают, что на самом деле все эти разговоры наполнены смыслом.

– Ты любишь крыши, Вадик? – спросила Высоцкая, пока они шли друг за другом по узкой лестнице.

– Так ты была на крыше? – Он резко остановился, так что Женька едва не уткнулась в него лицом. – Какая-то ты сегодня не такая.

Ну вот, начинается. «Какая-то ты не такая» – его любимая фраза. Нет, пожалуй, допроса она не выдержит.

– Слушай, Сухов, – она затормозила. – Я забыла... кое-что. Наушники. Надо за ними вернуться.

– Так перемены пять минут осталось.

– Успею.

Женька сбежала, пока Сухов не опомнился.

Она вынырнула в холл и прошла его насквозь. Вадик

громкий, и его слишком много. Причем всегда. Заметив, что она «не такая», он будет болтать без умолку, пока она не сдастся и не выложит ему все свои проблемы. А к этому она пока не готова. Ей нужно подумать. Настроиться на урок, где будут ее «подружки» и этот Артур, который мог бы посоревноваться с ними за звание «устроитель худших дней в мире».

Женька приткнулась к подоконнику в коридоре, окна которого выходили на задний двор школы. Мимо проплывали люди, на соседнем подоконнике, опершись спинами о стекла, сидели жизнерадостные восьмиклассницы и обсуждали свои дела.

Никому вокруг не было дела до Женьки, одиноко стоящей у окна. И никто не видел того, что увидела она.

Маленькую девочку, зажатую у стены какими-то кобылами на пару лет старше. Девочка выглядела испуганной и потерянной. Волосы выбились из аккуратного хвостика, взгляд темных глаз метался по сторонам, пока кобылы что-то втолковывали ей, наклонившись к лицу. Она словно ждала кого-то, кто просто спасет ее. Или чего-то иного... чуда.

На мгновение Женьке показалось, что это она стоит там, снова, как и много лет назад. У той стены. Но прежде чем Высоцкая рванула к выходу (хорошо, что она всё еще на первом этаже), из-за угла вышел мальчишка и, увидев картину, резко затормозил. Не прошло и минуты, как кобылы, развернувшись, бодро ускакали в сторону школы. Девочка, не веря, смотрела на своего спасителя. И Женькино сердце дрогнуло

– вот так, ни с того ни с сего, в переполненном, равнодушном к ней коридоре.

Мальчишка сказал девочке что-то ободряющее, улыбнулся, и Женька вдруг узнала брата Артура. Улыбающийся, он показался ей очень симпатичным.

Школьный звонок вывел Женьку из задумчивости, и она опомнилась, отступила. Заторопилась. И пока спешила по главной лестнице на второй этаж, к кабинету, поняла, что же ее так задело.

Эта девочка напомнила ее саму.

Но за нее, Женьку, так никогда никто и не заступился.

3

Из глубины квартиры доносились яростные голоса родителей. То ли спорили они, то ли просто что-то эмоционально обсуждали, но Женька сразу поняла, что грязно-коричневый день еще не закончен и сейчас ее ждет второй раунд. Закинув сумку в свою комнату, Женька прошла через коридор, миновала зал и оказалась перед родительской дверью.

– Эй, вы чего? – протянула она недоверчиво, открывая дверь. Недоверчиво – потому что ее родители редко ссорились, а если уж делали это, то намного более громогласно. Когда они ссорились – люстра качалась, посуда звенела в серванте, а с улицы не были слышны ни голоса, ни шум проезжающих машин – звуки, сопровождающие всю Женькину жизнь.

– А, это ты, Джен, – сказал папа, отворачиваясь от монитора компьютера. Оказывается, он спорил с мамой, сидя за компьютером, в то время как она отвечала ему, лежа на кровати с мокрым полотенцем на лбу. – Уже пришла?

– Я-то пришла. А вы почему не на работе?

– Спектакль сегодняшней отменили, – сообщил папа.

– А у меня голова разболелась, отпросилась домой, – так же спокойно и буднично сообщила мама, пытаясь рассмотреть Женьку из-под надвинутого на лоб полотенца.

– Хм... вы так тихо спорили?

– Мы? Спорили? – поразился отец. – Разве мы когда-нибудь спорим?

– Действительно, – согласилась Женька.

– А ты чего всполошилась?

– Просто странные вы какие-то. Обсуждаете что-то, в комнате запершись.

– Мы не запирались, – выползая из-под полотенца, заметила мама. – Разве мы запирались?

– Всё понятно. Пойду лучше чего-нибудь съем.

Отец улыбнулся ей. Женька только головой покачала и вышла.

Ее родители – самые ненормальные в мире люди, и трактовать их поведение с точки зрения обычных людей неправильно и глупо. Но сейчас, именно сейчас Женька была уверена, что и ее родители, словно обычные люди, скрывали от нее какой-то секрет. Хорошо хоть не ссорятся.

Хотя... хорошо ли? В случае ссоры их поведение до боли предсказуемо. А сейчас она совершенно не знала, что всё это значит.

Ее родители были людьми искусства. Папа – театральный режиссер в городском драматическом театре, мама – художник-декоратор там же и дизайнер со свободным графиком в фирме, создающей сайты. Расписывает различные вещички в своем фирменном стиле и продает их через интернет-магазин, делает работы на заказ и вообще крайне привержена фрилансу. И если бы она еще не брала работы больше,

чем способна осилить в срок, было бы вообще замечательно. И вот у таких жутко талантливых родителей родилась такая жутко неталантливая дочь, от которой, хоть уговорами уговаривай, хоть криком кричи, ничего творческого добиться невозможно. Женька осознала это довольно рано и, осознав, почувствовала угрызение совести за свою бесталанность. Оно сопровождало ее повсюду, ходило тенью, пока не срослось с другими сторонами Женькиной души, вытеснив ее желания и мечты.

И вроде некого обвинять – родители же не виноваты, что в своей профессии действительно хороши. А Женькина беда заключалась в первую очередь в том, что она не знала, чем хочет заниматься в жизни. Она была Женькой, просто Женькой. Не особо интересной личностью. Она не рисовала, не писала стихов, не танцевала, не пела, не увлекалась спортом. Она не выносила химию, не понимала физику и никак не могла представить, что ей делать дальше. В будущем. Всё, что она на самом деле любила, – это коллекционировать фильмы и сериалы, переводить английские песенки, слушать музыку и читать.

Вот и сейчас, переодевшись и захватив с собой еды, обыкновенная Женька шагнула в свою обыкновенную комнату и включила сериал, лишь таким образом соприкоснувшись с творчеством. Так-так... сегодня пусть будет английский. Что-нибудь детективное... И позакрученнее сюжет, пожа-

луйста, попривлекательнее герои, чтобы выкинуть весь этот грязно-коричневый день из памяти.

Этот трюк у нее, как правило, получался. Выдуманные герои на экранах мониторов и телевизоров, на страницах книг становились для Женьки живыми – порой более живыми, чем окружающие ее люди. У этих героев находился ответ на любой вопрос, а их жизнь была по-настоящему интересна – не то что ее, Женькина. А еще их истории почти всегда рассказывали о справедливости. Сколько бы герои ни страдали по ходу действия, в конце каждый получал по заслугам. И Женька знала, что, как бы ни было мучительно разделять их страдания, в конце она будет невероятно счастлива за них. И счастлива сама по себе. Хоть на некоторое время, на день или два. Под бодрый сериальный фон Женька собиралась в школу, делала уроки, причесывалась, красилась, обедала и ужинала. И пусть кто-то посчитает ее ненормальной, оторванной от жизни, но в этом был ее способ принять реальность. Ее особая формула счастья.

Из другой реальности ее выдернуло сообщение. Обычное такое сообщение. Будь оно отправлено Вадиком Суховым, не вызвало бы никаких эмоций и реальности бы не нарушило. Но оно было прислано совсем даже не Суховым.

«*Есть разговор*», – высветилось внизу монитора, когда Женька смотрела уже третью серию. Она медленно отложила ложечку, которой размешивала чай. Это что, шутка? Сам Макс Стрельников написал ей сообщение. Не то чтобы он

был какой-то таинственной личностью...

Максим – одноклассник Саши Емельяновой, и с Женькой у него не должно быть никаких дел. Но он из тех людей, кто запросто общается со всеми, а потому повсюду имеет приятелей и друзей. Даже с Женькой, которая тяжело сходилась с новыми людьми, он общался настолько сносно, что Дракониха 1 и Дракониха 2 (как называл Вадик Лену и Вику) заподозрили в этом школьный романчик. Паршивее всего было то, что они почти угадали. Только вот романа не было – ее симпатия была совершенно невзаимной, и вряд ли что-то могло измениться.

«Разговор?» – Женька тянула время, думая, что за этим сообщением кроется какая-то ерунда, но надеясь: а вдруг нет? Неужели Стрельников знает про переписку?

«Очень серьезный разговор».

Он так медленно двигался к сути, цедил по предложению, что она представила себе этот разговор маленьким мальчиком на толстых крепеньких ножках, который медленно ковыляет от Стрельникова к ней, Женьке.

«Говорят, у вашего класса есть ответы на тесты по физике...»

– Дура! Дура! Дура! – Женька побилась головой об стол. А потом еще разок. И еще. Ну как она могла хоть на секунду поверить, что он действительно хотел сказать ей нечто не связанное с учебой?! Чтобы ей вдруг ни с того ни с сего кинулся писать парень, который нравится ей уже три года, с тех

самых пор, как он перешел в их школу, – это слишком хорошо для сегодняшнего мерзкого дня...

Она и сама не знала, почему Максим производит на нее такое впечатление. Такое, что подгибаются колени и сердце падает в необъятный космос. Он действительно симпатичный, хорошо учится, играет в баскетбол, со всеми неизменно приветлив и всегда найдет что сказать. Может быть, в этом дело? В том, что он заставляет Женьку чувствовать себя так, будто ему нужна именно она?

Явно дело было не только в его внешности. Ведь не влюбляемся же мы во всех красавчиков подряд, верно?

В любом случае, какая разница... Это же она, Женька Высоцкая, девочка из пузыря. Пусть скажет спасибо, что ее вообще кто-то заметил. А ради физики или нет – это уже детали.

– Детали, – пробормотала Женька, отвечая на последнее письмо и снимая сериал с паузы. – Просто мелочи жизни, не больше.

4

Саша Емельянова из параллельного и Вадим Сухов уже почти год вели «Телеболталку» – дикую смесь школьных новостей и слухов, подкрепленных абсурдностью Сухова и разумностью Емельяновой.

«Мой любимый телепсиходел» – часто говорил Вадик про эти эфиры, но отказаться от них уже не мог. Как только в школе появилась телестудия, а потом на каждом этаже повесили плазменные экраны, «Телеболталка» стала неотъемлемой частью школы.

Они выходили в эфир каждое утро перед первым уроком и на большой перемене. И каждый день должны были рассказывать что-то новое, и желательно так, чтобы было интересно. Поэтому абсурдный и болтливый Вадик здесь блистал. И поэтому Саша тоже была здесь, чтобы вовремя остановить поток его мыслей. Оба они занялись этим делом лишь по просьбе классных руководителей, которых администрация попросила найти активных ребят в качестве ведущих школьного телевидения – временно, чтобы понять, приживется ли эта идея. В итоге временная занятость превратилась в постоянную, от которой и Вадим, и Саша уже не знали, как отделаться. Но, наверное, и не хотели тоже.

– Ты опять опоздал, – сказала, раскачиваясь в кресле, Саша, когда Сухов ввалился в студию перед уроками.

– Я покупал покушать. Я голодный.

– Поздравляю, – фыркнула Саша. – Текст написал?

– Не было вдохновения.

– И, конечно, оно проснется только во время эфира.

Вадик, улыбаясь, плюхнулся в кресло напротив и принялся отрывать целлофан от трубочки сока.

– Я – король импровизации.

– Скорее абсурда. И психодела. Сколько раз повторять, что импровизации тоже надо учиться! Однажды тот бред, что ты несешь, просто перестанет прокатывать.

– Поговорим, когда перестанет, ладно?

Сухов увернулся от карандаша, нацеленного в его голову, но, увернувшись, не удержался на стуле и рухнул на пол. Саша всё еще злорадно смеялась, когда в студию вошли Славка и Женька. Причем последняя выглядела так, будто вообще никуда не хотела идти.

Так всё и было. Она не хотела никуда идти. Славка притащила ее за собой на аркане.

– Наконец-то Сухов нашел свое место в мире, – прокомментировала Мирослава.

Мирослава была ответственной за эфиры, и более неподходящего и вместе с тем подходящего на эту роль человека представить себе было невозможно. Юркая, меняющая цвет волос каждый месяц, попадающая в неприятности по собственной вине, увлекающаяся до фанатизма и внезапно равнодушная – Славка.

Сейчас она деловито пнула кресло, под которым лежал и смеялся Вадим, и забралась с ногами в соседнее. Светлые волосы (пока что светлые) упали на плечи, когда она откинула голову и уставилась в потолок.

– Думаю, вчерашнюю тему с конверсами надо развить. Напишу сегодня знакомым семиклассникам – ну, знаете, что говорят в школе... Кто под подозрением... Нам не хватает конкретики!

– Знакомым. Семиклассникам, – откликнулся Сухов, выползая на свет. – И кто эти знакомые? Кем они тебе приходятся, а? Слушай...

– Можно я уже пойду? – прервала их Женька. – Вообще не понимаю, почему ты меня притащила.

– Потому что ты должна рассказать всю правду, – строго сказала Славка, переводя на нее взгляд. – Правду, о которой так мило умолчала вчера.

– Какую правду? – Женя отодвинулась к стене.

– А что с тобой творилось весь вчерашний день! – подхватил Вадик. Саша с любопытством посмотрела на Высоцкую.

– Что она может такого творить? Она же ангел...

– Кто? Высоцкая? – Мирослава расхохоталась, но тут же оборвала себя: – Этот ангел пропустил половину уроков. И не говорит нам, в чём дело.

– Один! Я пропустила один! – взорвалась Женька. – И на один опоздала. Всего-то.

Ее одноклассники переглянулись. Взгляд Емельяновой

стал еще более любопытным.

Высоцкая вздохнула. Нельзя сказать, что они были близкими друзьями, факт дружбы Женька всегда держала под сомнением, а со вчерашнего дня особенно. С Мирославой они сидели за одной партой и близко приятельствовали. С Вадиком общались, потому что с ним невозможно не общаться. Общение их длилось с начальной школы и каким-то чудом всё никак не могло затихнуть. А вот Емельянова – та училась в параллельном классе, и при ней Женьке меньше всего хотелось откровенничать. И вообще, почему она должна кому-то о чём-то рассказывать? Она же не требует от Вадика подробностей его бурной личной жизни или от Славки – всей тысячи приключений, в которые она ежедневно влипает.

Но открыто взбунтоваться Женька не решилась.

– Может, хотя бы не сейчас? После вашего ненаглядного эфира?

– Э! Так не пойдет. После ты опять свалишь, придумав новый предлог. Урок там или еще какая ерунда...

– Но вообще-то времени у нас и так нет, – Саша зевнула. – Эфир через две минуты.

– Я уйду, – Женька, радуясь, что отделалась, вскинула руки. – Пойду посмотрю на вас снаружи.

– Паршиво осознавать, что, кроме нас и учителей, в школе реально никого нет, – вздохнул Вадик, когда она выходила. – А ведь я никогда никому – даже совсем отдаленно – не напоминал ботаника. Что за жизнь пошла?

Женька только улыбнулась, выходя за дверь. Вадик Сухов, в отличие от Высоцкой, чьи дни систематически меняли свой цвет, уж точно не страдал такой ерундой. Складывалось впечатление, что все дни его жизни напоминали полотно абстракциониста, на котором преобладали в основном яркие, экспрессивные цвета. Причем сам Вадим очень органично вписывался в эти полотна, варился в чехарде своей жизни, ни о чём не переживая и ничего не боясь. Он не анализировал каждый прожитый день, не готовился к новому и уж точно не считал себя парнем из пузыря. А еще Женька просто поражалась, как ловко он переключался с одного на другое. Эфиры «Телеболталки» – выступления перед невидимой публикой – были частью его повседневности.

Вот и сейчас, стоило Женьке подойти к телевизору в холле, полились пестрые картинки заставки и на экране появились Саша и Вадик, которые словно продолжали свой разговор, прерванный с её уходом из студии.

– На дворе двадцать первое марта, восемь часов утра, и для тех ранних пташек, которые предпочитают приходить в школу за полчаса до начала уроков, мы начинаем нашу утреннюю телеболтовню! Прилипните к огромным плазменным экранам школьных телевизоров, с вами я, неподражаемый Вадик Сухов, и моя бессменная соведущая, Саша Емельянова.

– Мне кажется или в твоей славной приветственной речи можно уловить нотки сарказма?

– Сарказма?! Успокойся, Саша, не думаю, что кто-то что-то заметил, ведь в такое время в школе действительно почти никого нет. Поэтому я взываю к тебе: так для кого мы ведем этот ежедневный утренний эфир?

– Задаваться этим бессмысленным вопросом стало для тебя традицией, Вадик. Для тебя это залог хорошего дня?

– Нет, это предпосылки для хорошего журналистского расследования, Емельянова. Неужели школа тратила безумные средства на оснащение коридоров телевизорами лишь для того, чтобы каждый день все могли лицезреть мою физиономию? Мысли об этом наполняют меня невероятной гордостью за себя!

– Не знаю как с гордостью, но самомнения тебе точно не занимать, медийная персона. Можно я теперь только так к тебе и буду обращаться?

– Вот за что я тебя люблю, Емельянова. За то, что ты способна поддержать диалог и помочь мне убить добрую половину нашего эфирного времени! И, кажется, стрелка часов действительно доползла до той отметки, когда нас кто-то может услышать. А посему – здравствуйте еще раз!

– Если вы приплелись в школу сонными, мы вас немедленно разбудим. А потом еще раз разбудим на большой перемене, чтобы вы – вдруг – не забыли наши лица.

– А пока я вангую – сейчас в школьном холле и без нас полно кутерьмы. Кто-то наверняка пришел без сменки, кто-то успел нахамить дежурному завучу, и у этого кого-то, ко-

нечно, нет дневника, чтобы вписать туда замечание, а кто-то стоит посреди коридора и слушает нас с замиранием сердца...

– В основном тебя, медийная персона. Кстати, о сменке. Похоже, история с конверсами вышла на новый оборот.

– Я тоже слышал об этом. Одна птичка, имени которой мы здесь не назовем, принесла на хвосте, что нашим таинственным вором был кто-то из одноклассников пострадавшего. По крайней мере, в среде семиклассников зреют волнения. Наш таинственный вор – верни то, что взял, на место, пока не поздно. И лучше сознайся – облегчи нечистую совесть, и все, включая и красные конверсы, простят тебе прегрешение.

– Боже, уймись, Сухов! Даже у меня от тебя уже уши закладывает. Передохни. Попей водички. А я пока отвлекусь от темы с обувью. Давайте-ка я быстренько расскажу, какие внеучебные мероприятия нам всем предстоят на этой неделе.

* * *

– И как это вам еще не запретили говорить о краже, – удивилась Женька, когда после эфира Саша, Вадик и Мирослава спустились на первый этаж.

– Вот! И я о том же, – Емельянова пожала плечами. – После сегодняшнего точно запретят.

– Ой, да ладно, расслабьтесь, – Мирка зевнула, не заме-

тив, как толкнула какого-то пятиклашку, оказавшегося на ее пути. – Когда запретят, тогда и перестанем говорить. А вот сведения были проверенными. Семиклашки реально своего подозревают. Я провела суперрасследование.

– Ага, – фыркнул Вадик. – Расследование! Два вопроса в ВК!..

– Слушай, ты...

– Высоцкая!

Они как раз проходили через заполненный холл школы, так что все, кто был на этаже, тут же начали озираться.

Женька поняла, что обращаются к ней, только когда взгляды Саши, Мирки и Вадика уже начали высверливать в ней огромную дырку. Ну не привыкла она, чтобы ее кто-то звал!

– Что за... – Женька обернулась, и тут ее схватили за руку.

– Идем поговорим, – сказал Артур Раевский и без лишних слов потащил ее за собой.

– Эй!

Ноль реакции.

– Сбрендил?! – прошипела Женька. Не хотелось орать на весь коридор. Артур дошел до угла, завернул, и вокруг стало тихо. Они оказались возле дверей в малый спортзал.

– Через три минуты звонок! – Женька вырвала свою руку из руки Артура.

– Мы успеем.

– Что случилось?

– Что случилось? – переспросил Раевский. – И ты еще спрашиваешь. Только не надо из себя дуру строить.

– А на человеческом языке можно?

– Что это за фигня по телеку про конверсы, а?

– Я что, говорила что-то по телеку?

– Я упустил из виду, с кем ты общаешься. Разболтала уже всё своим друзьям, да? Сделала поспешные выводы и давай трепаться!

– Я ничего им не говорила.

– Конечно. Сегодня они сказали, что во всём виноват кто-то из семиклассников, а завтра назовут его имя? А ты не думаешь, что мой брат ни при чём?

– Слушай, – Женька и сама не поняла, что разозлилась, пока не почувствовала, что ее трясет. – Ты всегда такой? Всегда нападаешь без разбору? Я никому ничего не рассказывала и не собираюсь. Я своих обещаний не нарушаю. А ты, если не хочешь, чтобы мои «опасные» друзья начали меня обо всём расспрашивать, больше так не делай.

Женька развернулась и пошла на урок. Звонок прозвенел, когда она входила в класс. Артур явился следом за ней. Плюхнул сумку на заднюю парту и сел, даже не глядя в ее сторону.

Мирослава ткнула Женьку в бок.

– Что за приколы?

– Приколы по имени Артур.

– Я и не знала, что вы такие друзьяшки.

– Арсеньева у нас за первую парту захотела пересесть? – спросила учительница английского, спасая Женьку от вольного сочинительства.

– Я молчу, Елена Геннадьевна, – Мирка скривилась и открыла учебник, тут же забывая о своем допросе.

– Это ненадолго, – вставил кто-то с задней парты, вызывая волну смешков, разлетевшихся по классу.

– Stop talking please², – сказала англичанка, устанавливая в классе тишину, и Женька нагнулась над своей тетрадью еще ниже. Не то чтобы она была не готова, английский – один из тех немногих предметов, в котором она всегда уверена и к которому всегда готова, но меньше всего ей хотелось бы сейчас выходить и перед классом что-то вещать у доски.

– Открываем тетради, будем писать эссе.

Дружный стонущий вздох класса не произвел на англичанку ни малейшего впечатления.

– Тема эссе – «Your dreams»³.

– Ну зачем? – еще дружнее простонал класс.

– Я бы очень хотела узнать о ваших мечтах немного больше. Поэтому открываем тетради и пишем. Время – 20 минут.

Эссе о мечтах. Да кому вообще интересны чьи-то мечты, и особенно на английском? Но вот англичанке интересны. К большому сожалению всего класса.

Минуты утекали так ощутимо, как будто над десятым

---

² Перестаньте говорить, пожалуйста (*англ.*).

³ Ваши мечты (*англ.*).

классом туда-сюда двигался маятник больших напольных часов. Скрипели ручки в тетрадах, кто-то забыл выключить звук клавиш в планшете или телефоне и его жульничество в интернете уже не было тайной. Женька стучала ручкой по пустому листу, пока Мирослава не толкнула ее в бок.

– Ты почему ничего не пишешь?

Та пожалала плечами. Наконец глубоко вздохнула и наклонилась к своей тетради, выводя легко льющисся слова. Через несколько минут учительница английского начала ходить по классу и, заглянув мельком в Женину тетрадь, застыла на месте.

– Это что, Евгения?

– Мое эссе, – невозмутимо сказала та.

– Хочешь сказать, что закончила?

– Да. – Женька кивнула, сложила руки на груди.

– Тогда будь добра, прочти его классу.

Высоцкая замешкалась, но послушно взяла в руки тетрадь, встала с места.

– My dreams⁴, – прочитала она. Посмотрела по сторонам. Все были рады прерваться и послушать, как ругают не их. Женька вздохнула и прочитала:

– I have no dreams. – Добавила, помолчав: – And that's all what I want to tell you⁵.

Высоцкая опустилась на место под осторожное хихиканье

---

⁴ Мои мечты (англ.).

⁵ У меня нет мечты. И это всё, что я хотела вам сказать (англ.).

класса.

– И ты считаешь, это уровень человека, который будет сдавать ЕГЭ по английскому языку через год?

– Нет. Но я считаю, что ответила на поставленный вопрос. Мне больше нечего сказать.

– А что она сказала-то? – удивленно захлопал ресницами Илья Котлов, каким-то чудом переведенный в группу английского из класса с немецким языком. Вокруг уже откровенно захохотали.

– Да, у меня нет мечты, и я не хочу ничего придумывать! – отрезала Женька.

Минуту учительница и ученица смотрели друг на друга. Затем Елена Геннадьевна обвела взглядом класс.

– Возвращаемся к своим работам. У вас осталось мало времени.

– Эй! – снова пихнула ее в бок Мирослава, призывая к ответу, но Женька не повернулась. В это время на парту перед ней опустился поспешно сложенный листок бумаги. Женька развернула.

«Это было искренне, Высоцкая? Разве такое бывает? Тогда ты еще более неинтересная, чем все думают».

Почерк был красивым, размашистым и... незнакомым. Женя обернулась по сторонам, но так и не узнала владельца. Все головы были опущены к тетрадам.

Со звонком с урока все были рады выскочить вон, подальше от английского и глупых мечтаний. Женька запихивала

тетради и ручки в сумку, предчувствуя, что стоит ей поднять голову, и она тут же встретится взглядом с Мирославой. Но она медлила, глядя на всё что угодно и медленно пробираясь мимо рядов к выходу.

Дело, кстати, было довольно безнадежным – она же знала, что любопытство Мирославы всё равно настигнет ее и случится это совсем скоро...

– Высоцкая, – окликнула ее англичанка, став неожиданным спасением. – Не могла бы ты остаться на минутку? Пошевеливайся, Арсеньева, нечего топтаться!

– Я Женьку жду, Елена Геннадьевна, – миленьким головочком заметила Мирослава. Таким миленьким, что незнакомый с ней преподаватель принял бы всё за чистую монету и непременно сдался. Но англичанку сложно было провести.

– Вот за дверью и подождешь. Заодно проследишь, чтобы никто не входил.

Несмотря на мрачное Женькино настроение, она едва сдержала улыбку, глядя на потуги Мирославы. Арсеньева в своем репертуаре! Жалко, «Оскара» за это не дадут. Они явно были достойны какой-нибудь награды.

Но вот дверь кабинета захлопнулась, отгородив его обитателей от звуков перемены, и Женька оказалась лицом к лицу с серьезным разговором. Что он предстоит – она не сомневалась с того момента, как ее эссе продемонстрировали всему классу. Серьезный разговор предстоял про ее, Женькино, несерьезное отношение к предмету, про разрушенные учи-

тельские надежды и потенциально упущенные шансы. Между прочим, ее, Женькины, шансы. Так и чего, спрашивается, все в них лезут?

– Что-то случилось, Женя? – неожиданно мягко спросила учительница, и Высоцкая, приготовившаяся давать яростный отпор в ответ на яростные замечания, не сразу нашлась с ответом.

– С чего вы взяли? – ответила она наконец.

– Твое эссе. Обычно ты любишь писать тексты на английском.

– Вам кажется. На самом деле нет.

– Я не уверена во многих вещах, но обычно не ошибаюсь, когда кому-то нравится мой предмет. Это всегда видно.

– Я...

– Ты уже думала, куда будешь поступать?

– Думала, – хмуро сказала Женя, глядя в окно. Разговор пошел именно по тому пути, который она представляла. – И ничего не знаю. У меня нет особых способностей. И конкретных желаний тоже нет.

– Тогда почему бы тебе не попробовать себя в чём-то, чего ты никогда не пробовала? Какое-то новое дело. То, чем ты раньше и не думала заниматься. Заодно будешь зарабатывать портфолио.

Портфолио! Все уши про него прожужжали. Как будто портфолио при поступлении может заменить конкретного человека или результаты ЕГЭ! И что Женька туда должна

вкладывать? Победы в конкурсах, которых у нее нет? Результаты олимпиад по английскому? Она не Мирослава или Вадик с Сашей, у которых этих достижений выше крыши...

– И да, Женя, – напоследок сказала Елена Геннадьевна, прежде чем отпустить ее. – Не забрасывай английский. Я уж не знаю по поводу всего остального, но с иностранными языками у тебя точно всё в порядке.

Языки... Языки – это не увлечение! Точнее, увлечение, конечно, но... для нее это всегда было чем-то несложным. А увлечение – оно же зажигает тебя изнутри, вдохновляет... вот как родителей вдохновляет их работа, их творчество! То, что просто дается тебе легко, нельзя считать делом всей жизни.

– Чего ты там бормочешь? – ткнула ее в бок Мирослава.

Они были в столовой. Большая перемена, толпы учеников, гомон и гвалт. Отличное время, чтобы не думать ни о чём серьезном.

– Вот вы можете себе представить что-то более бесполезное при поступлении, чем портфолио? – спросила Женька, продолжая думать о разговоре с англичанкой.

– Почему бесполезное? – неожиданно хором ответили Вадик и Мирослава и, переглянувшись, рассмеялись.

– Только не говорите, что у вас обоих оно есть, – застонала Женька.

– Ну...

– Погоди, а что такого?

– Да ничего, просто я никчёмьш! – констатировала Высоцкая мрачно. – Если судить по наличию портфолио, я совершенно не готова к взрослой жизни.

– Да и не только по наличию портфолио...

– Вадик! – Мирослава с возмущением пихнула одноклассника в бок. Тот не смутился, только голову набок склонил и, зажмурив один глаз, с любопытством уставился на Женьку.

– Задаем серьезные вопросы, Высоцкая? Жаждем получить на них серьезные ответы? Кажется, наша крошка стала совсем взрослой!

– Хватит паясничать, Сухов! – Мирослава с щедростью близкой подруги отвесила Вадику подзатыльник. Затем перевела взгляд на Женьку. – Так. А теперь к тебе. Ты сейчас серьезно? Это тебе англичанка мозги промыла? И что сказала-то?

– Неважно! – отрезала Женька, уже жалея, что вообще раскрыла рот. – Если всем так нужно это идиотское портфолио, я его сделаю, но для этого...

– Для кого делать-то собралась? Насколько я знаю, ты даже с примерной специальностью не определилась, – опять влез Сухов, отпрыгивая на стуле от длиннорукой Мирославы. – Может, из тебя физик получится или медик! Так зачем тогда портфолио будешь делать? Увлечения в себе какие-то выискивать?

– Женька физик? Или медик? – Мирослава зафыркала.

– Нет, судя по вашей реакции, я всё-таки никчёмьш, –

Женька с тоской легла на сложенные руки. Разговаривать о себе с друзьями оказалось совсем не весело. Лучше бы и не начинала. – Давайте просто переведем тему.

– Да ладно тебе, Жень... – начала Мирослава, но Сухов ее перебил:

– А мне вот очень интересно, что у вас за секреты с Раевским.

Женька, которая только выкинула утреннее происшествие из головы, дернулась, взмахнув волосами, и едва не расплескала суп.

– Сухов, блин! Нечем мне больше настроение испортить?

– Мне тоже интересно, – поддержала его Мирка.

Высоцкая вздохнула. Артур сидел через два стола от них. Как и всегда, создавалось ощущение, что он смотрит на всех и ни на кого конкретно.

– Нет никаких секретов. Он всего лишь спрашивал меня о домашке.

– О чём? – фыркнула Славка. – Артур? Не могу представить, что он кого-то просит дать ему списать.

– Ну вот уж представь, – ехидно ответила Женька. – А какие секреты вы себе уже нарисовали?

Ее забавляли и вопросы одноклассников, и собственное легковесное вранье, которое ничего ей не стоило. Вся эта ситуация с Артуром виделась Женьке всего лишь недоразумением, которое разрешится и забудется, не оставив следа. Она почти не знала Арта, поэтому ее и веселило, что друзья вы-

искивали тайны и интриги там, где их не было. Какими значительными порой видятся нам со стороны события, совсем не важные для их участников...

Дальнейшим расспросам помешала Ирка Ларшина, которая плюхнулась к ним за столик со своим подносом.

– О нет, – успел выдавить из себя Вадик, прежде чем Ларшина обратила на него взгляд своих красивых зеленых глаз.

Ира и правда была красивой. С ровной оливкового цвета кожей, длинными темными волосами и зелеными глазами – ей с детства говорили, что она очень красива, и наперебой прочили ей карьеры модели, актрисы и телеведущей (нужное подчеркнуть).

Она училась на класс младше и была бессменным и вечно пропадающим ведущим школьного радио. Причины ее пропадания были всегда разными, но, несомненно, очень и очень важными. Мирослава, которая отвечала так же и за ее выходы в эфир, звала ее просто – Отговорка. И вот теперь ее отговорки заметила даже школьная администрация.

– И почему? – потребовала ответа Ира, пока Вадик корчил Мирке рожи. Эти рожи, очевидно, служили заменой какому-то сообщению, которое Мирослава игнорировала.

– Почему что? – переспросила она. – Я тебя с полуслова еще пока не научилась понимать.

– Почему радиостудия закрыта? – потребовала ответа Ларшина.

– А потому что у нас больше нет радиоведущей.

– Эй!

– Мы же предупреждали. И не раз.

– Это всё из-за тебя, да, Арсеньева?

– Да ладно тебе, – вступился Сухов. – При чём тут Славка?

Она просто отвечает за выходы в эфир.

– Просто вы меня не любите, – прорыла Ларшина. Женька вдруг поймала себя на мысли, что это красивое лицо уродуют негативные эмоции.

– Ага, – согласилась Мирка и одним глотком допила компот, якобы апельсиновый. – Так не любим, что терпели целый год.

– Да. Просто вы не хотите, чтобы я заняла место Емельяновой.

– О, – Славка закатила глаза. – Начался бред.

Она поднялась с места, захватив свой поднос.

– Все вопросы – к завучам. Чао.

Женька успела подскочить раньше, чем Арсеньева отошла от стола. А вот Вадик замешкался и был схвачен Ларшиной, очень цепкой, когда нужно. Бросив на Сухова умоляющий взгляд, Высоцкая проскочила между столами и на выходе из столовой столкнулась с Максом Стрельниковым.

Сердце тут же заколотилось как безумное, а руки стали влажными, и Женька только порадовалась тому, что в них сейчас нет ничего, что она могла бы уронить.

– А вот и наша палочка-выручалочка, – протянул Макс с улыбкой. – Куда торопишься, Женечка?

– А тебе интересно?

– Почему ты думаешь, что нет? Меня интересуют не только ответы на тесты и контрольные.

– Всё шутишь, – не стала подыгрывать ему Женька. – Смотри, дошутишься – перемена закончится, а пообедать не успеешь.

Максим усмехнулся. Когда он вот так мило усмехался, глядя на нее, или просто смеялся вместе с ней над чем-то, девочка мечтала задержать это мгновение и не думать о том, что будет дальше. Правда, ее мечтам не удалось сбыться. И не только потому, что Стрельников явно никакие мгновения задерживать не собирался.

– Пойдем, чего застряла? – Мирослава догнала ее и схватила под локоть. – Привет.

– Привет-привет, – поспешно ответил Макс, а Арсеньева уже волокла Женьку по коридору.

– Нечего с ним статую изображать!

– Ничего я не изображаю.

– Да-да, это мы уже слышали, – отмахнулась Мирка. – Еще бы пару минут простояла, и о вас бы начали спотыкаться. А мне только еще одного разговора с Ларшиной сегодня не хватает. И как отделаться от этой чокнутой?

– Быстрее взять кого-то на ее место, – задумчиво ответила Женька, всё еще думая о Стрельникове.

– Ага, только вот кого! Не тебя же...

– Спасибо за веру в мои способности, – иронично отклик-

нулась Высоцкая.

– Да нет, я не в том смысле! Тьфу ты, ты же сама не пойдешь!

– Да ладно, расслабься, я шучу, – Женьку развеселила реакция Мирославы. – Конечно, не пойду. Даже ради портфолио.

* * *

А вот на следующий день ей было уже совсем не весело, когда в утреннем эфире «Телеболталки» прозвучало имя того, кто украл кеды, – Денис Раевский.

Женька как стояла посреди раздевалки с курткой в руке, так и замерла. Откуда Сухов и Емельянова прознали об этом? Это была часть секрета, который она услышала тем днем и который пообещала Артуру сохранить. Откуда же об этом узнали главные сплетники школы?

Женька сделала глубокий вдох, и способность двигаться вернулась к ней. Что же теперь делать?

На полпути к телестудии до нее дошло, что она слишком суетится. Как будто это ее имя прозвучало на всю школу. Вокруг гомонили школьники. Только что пришедшие даже пока не слышали эту новость. Но уж Артур-то точно в курсе.

На первом уроке она так и косилась в его сторону, но мрачный Раевский на нее даже не смотрел. Некоторые из одноклассников, кто был явно в курсе родства Артура и Де-

ниса, всё время перешептывались и, не скрываясь, смотрели на Раевского-старшего. А тот вообще никуда не смотрел, уткнувшись в сложенные на парте руки. «Что он делает? – раздумывала Женька. – Планирует, как спасти брата или как бы побыстрее его убить?»

«Откуда инфа про конверсы?» – написала она Мирке прямо в тетради по русскому карандашом.

«Очень проверенная инфа из очень проверенного источника. А что?»

«Как-то это всё... немного слишком».

Мирка прочитала сообщение и, нахмурившись, посмотрела на нее. Но Высоцкая не ответила на ее взгляд.

На перемене после первого урока уже вся школа активно мусолила эту новость. Дениса Раевского никто не видел – он торчал в кабинете директора. Не разрешая себе раздумывать, к чему это всё приведет, Женька пришла к кабинету и, конечно же, увидела Артура.

Артура, который скривился, заметив ее.

– Я просто хочу сказать, что ничего не рассказывала, – заторопилась она. – Я действительно ничего не рассказывала друзьям.

Раевский не смотрел на нее, но она чувствовала волнами исходившую от него ярость.

– Бессмысленно, – бросил он.

– Что?

– Бессмысленно сейчас говорить об этом, не находишь? –

он перевел взгляд прямо на Женю.

– Я... просто хотела, чтобы ты знал.

– Мне плевать, – его кулаки сжались. – Проваливай.

Женька отступила на шаг назад.

– И дружкам своим спасибо скажи, – донеслось до нее.

Женька резко остановилась, ощутив, как запыльхали ее щеки.

– Я не виновата, что твой брат у директора! И не мои друзья украли те кеды!

– Сделай одолжение... – начал Артур, но тут открылась дверь приемной и оттуда вышел его брат.

– А где красная ковровая дорожка? – с ленцой спросил Денис. Он выглядел спокойным и расслабленным, не потревоженным ничем. Даже и не скажешь, что у него сейчас состоялся неприятный разговор.

– Ну?! – Артур сделал шаг к брату. Денис вздохнул, сунул руки в карманы брюк.

– С родителями – в школу. Это так необычно, надо пойти подготовиться.

Он усмехнулся и, обогнув брата, пошел по коридору. Артур замер с видом ошарашенным и злобным одновременно.

Женька вмиг почувствовала – злость на брата в Артуре была сильнее всего. Но почему он злится? Из-за того, что тот украл, или из-за его невозмутимости – слишком необычной для тринадцатилетнего подростка?

– Может быть, это он себя и сдал, – вырвалось у Женьки.

Раевский тут же обернулся к ней.

– Ты соображаешь, что несешь?

Женька помолчала, до последнего пытаюсь быть спокойной.

– Соображаю. И соображаю еще кое-что. Ты несколько лет учишься в нашем классе, но хорошо, что я не общалась с тобой раньше.

Она еще никогда не чувствовала себя такой разозленной и вместе с тем несчастной. Завернув за угол, она остановилась и подержалась за стенку. Вот что было совершенно на нее не похоже. Она никогда такого не делала. Никогда никому не высказывала в лицо, что думает о нем на самом деле.

И она уже давно не чувствовала исходящие от кого-то ненависть и презрение. Исходящие от кого-то и направленные на нее. Это было очень обидно, несправедливо и снова возвращало ее в детство.

Интервью для школьной газеты «Поколение». Итоговый, девятый выпуск перед летними каникулами.

О чём я мечтаю?.. Ну знаете, мечты – это же очень личное... Ах-ах, да бросьте... мечты... Мечтаю, чтобы всё у меня было вот как сейчас. Чтобы друзей было вокруг много, чтобы не было скучно и все бы занимались чем-то интересным. Мечтаю, чтобы не было перемен. Не говорите мне про универ. Да, наверняка там будет круто, но мне странно, что всё так изменится.

Нет, не люблю перемены.

Вадим Сухов, 10 «А»

Раевскому удалось задеть внутри нее какие-то невидимые нити, нетерпеливо звенящие от малейшего неосторожного прикосновения. Женька ощущала беспокойство, вину непонятно за что, чувствовала, что всё непросто в этой истории. Напрягал Денис с его невозмутимостью, как будто происходящее не волновало его совершенно.

Женька никогда не походила на борца за справедливость, на детектива-самоучку и на выскочку, которая лезет не в свое дело. Но Раевскому удалось ее разозлить своим неверием и презрением к ней. Все еще беспомощно чувствуя свою вину перед младшим Раевским совершенно непонятно за

что, Женька шла по школе и придумывала колкие ответы для Артура. Ох, в своих ответах она была язвительной и дерзкой, очень саркастичной. Со стороны даже завидовала себе, но в реальности... в реальности оставалась девочкой-невидимкой. И вряд ли могла бы это изменить.

Так со своими сумрачными мыслями Женька добралась до класса, с тоской оглянулась по сторонам. Почему-то сейчас ее раздражали однокласснички с их сплетнями и интригами на каждом шагу. Надо делать какой-то вид, цеплять на себя маску, отвечать так, чтобы не доставали подколками, но при этом хотели общаться, казаться интереснее, чем есть, увлекаться тем, что модно, но всё-таки быть при этом чуть непохожей на других. Это было не прозрение или открытие, это был привычный мир. Даже Вадик и Мирослава были его неотъемлемой частью. Сейчас они обсуждали что-то, сидя за партой Вадика, – наверняка эфир, который состоится на перемене. Думали, как еще вернуться к теме Дениса Раевского, – шутка ли? Новость дня. И школьное телевидение раскрыло всем глаза на школьного преступника. Интересно еще, что Мирка не кинулась за расспросами к Артуру – это ведь такая удача, что старший брат вора учится в их классе! Или Раевский и Мирку уже успел отобрить?

В центре класса, как в центре вселенной, Ленка и Вика, Женькины двуличные подружки, давали концерт по заявкам перед девчонками и некоторыми мальчиками. Женька закрыла глаза. Со вчерашнего дня ей удавалось почти не раз-

говаривать с бывшими подружками. А что бы она им сказала? Смогла бы высказать, что думает по поводу их двуличности? Вряд ли... Она бы скорее согласилась даже еще раз поговорить «по душам» с Раевским, чем открыто признаться Драконихам, что читала их сообщения. Если бы она была посмелее, постаралась бы выяснить только одно – зачем им нужно было общаться с Высоцкой, если они всегда были о ней невысокого мнения? Какой в этом был толк?

Раздражающая атмосфера в классе, раздражающие люди и собственная рассеянность сделали свое дело – Женька использовала любую возможность, чтобы исчезать из класса хотя бы на перемене. Поэтому в обеденный перерыв она выходила во двор – единственное место, где не слышались даже отголоски «Телеболталки».

На улице было довольно тепло – в конце марта в середине дня погода уже позволяла, расстегнув куртку и вообразив, что скоро лето, гулять нараспашку. За школьным забором, старые, как сама школа, стояли киоски, в одном из которых они мелкими частенько покупали мороженое на переменах и после уроков. Они – это, как правило, Вадик, Мирка и Женька. Втроем. Всё это до того года, как Вадик умудрился сломать ногу и с октября по апрель просидеть на домашнем обучении – перелом был сложным. В тот год многое изменилось. И она, Женька, тоже.

Она не очень любила вспоминать то время, да и сейчас на этих мыслях не задержалась. Поправив сумку на плече, Же-

ня бодро дошла до киоска и купила себе шоколадный пломбир – как известно, нет ничего лучше еды, чтобы поднять себе настроение. Возвращаясь обратно к школе, она увидела странное.

Денис Раевский сидел на маленькой оградке палисадника с цветами, поедая мороженое и зависал в телефоне. Огорченным, раздосадованным или переживающим за свою судьбу он не выглядел совершенно. На занятия он, судя по всему, особо не торопился и чувствовал себя так же беззаботно, как на выходе из кабинета директора.

В тот момент, когда Женя уже почти добралась до школьных ступеней, к младшему Раевскому подошел какой-то мальчишка – по виду его ровесник. Спустя несколько долгих мгновений до Высоцкой дошло, что это и был тот его одноклассник, у которого Денис украл конверсы. Только вчера в коридоре Мирослава показывала им этого парнишку. Судя по тону разговора, ребята о чём-то спорили. Затем внезапно расхохотались и начали что-то оживленно обсуждать. Женька так и застыла на месте. Это было странно, очень странно. Еще более странно, чем поведение Дениса.

Пока она раздумывала, что же делать, ребята поднялись с оградки и направились к выходу со школьного двора.

Женька повернулась, собираясь зайти в школу, но тут же остановилась. А почему бы?..

Перебивая эту мысль, в голову влезла другая: и зачем тебе это надо, Высоцкая?

Нет, это и правда было странно, но разве не повод всё выяснить сейчас и кинуть в наглую физиономию старшему Раевскому то, чего он не знает? Показать ему, что она не рассказывала про Дениса и его участие в краже! Опыт зрителя множества детективных сериалов подсказывал ей: тут не всё так просто, как кажется.

Женька глубоко вздохнула, кинула умоляющий взгляд на двери школы и, не сомневаясь, что поступает глупо, зашагала за мальчишками следом. К сожалению или к счастью, никто не показался на пороге, чтобы от этого глупого шага ее отговорить.

* * *

В конце концов она даже почувствовала азарт. Хотелось хотя бы одно дело довести до конца самой. Забывшись, она представляла себе настоящее приключение, в котором наконец довелось поучаствовать и ей. Дело было не столько в истории о воровстве, сколько в личности вора. В одном Женья была почему-то уверена – Денис ничего не крал. Вся эта история казалась слишком невероятной, какой-то даже киношной. И так как это точно было не кино, она хотела найти объяснение происходящему.

Ребята шли пешком, казалось, через весь город, пока не оказались в каком-то незнакомом дворе. Вроде и не окраина города, но и не центр. Двор как двор. Подъезды, песочница,

детский городок, гаражи. За гаражами Женька и притаилась, не выпуская из виду Дениса и его одноклассника, которые уселись в старой беседке и принялись кого-то ждать. Женька сообразила, что место ребята и правда выбрали удобное – вроде и на улице, а вроде и отдельно от остальной части двора: старая беседка была плотно окружена деревьями, и летом они наверняка отгораживали ее стеной от всех гуляющих и празднующихся.

Не успела Женя в очередной раз задаться вопросом, зачем поддалась совершенно идиотскому импульсу и вообразила себя героиней детектива, как в беседке началось бурное оживление – пришли еще какие-то мальчишки, совсем незнакомые. Всем ребятам было не больше пятнадцати лет. После приветствий и смешков они заговорили о каком-то Кабане, который, как подозревала Женька, был человеком. Этот Кабан «сдулся» на пятой тарелке, и его прямо из школы увезли в больницу. Послышались споры и обсуждения. Кто-то утверждал, что результат оказался непредсказуемым и те, кто пророчил проигрыш Кабану, тоже не выиграли.

Женька, чувствуя себя героиней театра абсурда, помотала головой. Что за ерунда там творилась? И тут начали обсуждать Дениса.

– А я говорил, что он не облажается. Так что гоните бабло, ребят. Вы же не верили, что он сам себя сдаст, – басом проронил один из незнакомых мальчишек.

– Слабенькое оказалось ваше «слабб», – протянул Де-

нис. – Я выиграл. Да еще и кое-кого привел! В этом вы сомневались еще больше.

– Ну, мы сомневались, что после истории с кедами тебе удастся уговорить одноклассника прийти, – произнес парень, который показался Женьке самым взрослым из присутствующих. – Так что это была проверка.

– Я люблю сложные дела. Чем сложнее, тем лучше, – не без бахвальства заметил Денис. – Игорь готов.

– Посмотрим, – протянул этот взрослый и в два шага пересек беседку. Остановился прямо перед Денисовым одноклассником, явно робеющим. – Посвящение у нас проходит просто. Мы даем тебе пробное дело, ты выполняешь его, и мы все официально признаём тебя частью клуба. Тебя устраивает?

– Да, – Игорек прокашлялся. – Устраивает. А про деньги... правда? Вы реально выигрываете?

Старший усмехнулся.

– Заработать захотелось? Ну-ну, у нас ребята, бывает, последние карманные проигрывают. Да, Ваню?

Мелкий паренек, сидящий недалеко от Дэна, насупился. Мальчишки захохотали.

– Так что заработать не так просто, как потерять. Ну да ладно...

– Эй, Дэн, а что теперь тебе будет, а? – влез еще один мальчишка, явно тоже недовольный потерей карманных денег.

– Да фигня. Маман в школу придет. Но я уже всё уладил.

Так что всё ок. В следующий раз что-то повеселее давайте.

– Ну, Дэн. Сам напросился.

С площадки донеслись шуточки и смех, а позади Женьки кто-то произнес:

– Высоцкая?!

Женя обернулась. На нее смотрел Артур. В сильном изумлении.

– Я... – девушка отступила на шаг. – Я просто...

За спиной не оказалось стены гаража, как она надеялась. Под ногу попал камень, и, вскрикнув, Женька потеряла равновесие и с жутким грохотом рухнула на землю, потянув за собой стоящие у гаража стройматериалы: целый ворох палок и какой-то мешок.

Артур, стоя перед ней, закатил глаза, и, обернувшись с земли, Женя увидела младшего Раевского и его приятелей. Они всё так же сидели в беседке на детской площадке и глазели прямо на нее.

6

– Что за кретинские игры в шпионов? Вы мне всю малину испортили, – Денис злобно пинал попадающие под ноги камешки.

– Ах ты ж мелкий! – Артур, придерживая Женьку под локоть, бросил на брата взгляд. – Если очень хочется кого-то благодарить, скажи спасибо нашей мисс Я-лезу-не-в-свое-дело-и-горжусь-этим.

– Да просто я была права – он сам себя сдал! – с досадой отозвалась Женя. Подвернутая нога болела и, даже перемотанная платком, казалась лишней частью организма.

– Ну и что с того?! – бросил Денис.

– Помолчи. С тобой я еще поговорю. А ты, – Женька тоже получила от Артура гневный взгляд, – неужели так принципиально было лезть куда не просят, а?

– Я ненавижу, когда меня выставляют душой!

– А нельзя было просто сказать мне, а не бежать что-то доказывать? В конце концов, это мое дело!

– Да, и ты стал бы меня слушать? Как у кабинета директора? И в итоге мы потеряли бы время.

– Может, я пойду, а? – протянул Раевский-младший, спрыгивая с бордюра, по которому ему наскучило идти.

– Ага. Побежишь, – отрезал его брат. Денис скептически хмыкнул, но убежать не стал.

В середине мартовского дня в воздухе почему-то пахло осенью: меняющимися цвет опадающими листьями, не пролившимся на асфальт дождем. И хотя еще даже не начало темнеть, Женьке казалось, что уже наступила глубокая ночь, с которой у нее всегда ассоциировалось осеннее одиночество. Она даже забыла, что зима уже закончилась и на улице всю правит весна.

– Прекрати эти игры в «слабб», понял? – приказал Артур брату. – Это может пойти слишком далеко.

– Так ты тоже слышал весь их разговор? – включилась Женька в беседу. – Это же мои слова у кабинета директора заставили тебя прийти за братом?

– Мечтай. Я и так за ним хотел проследить, – отрезал Равевский. – Или думаешь, ты единственная, кто видел, как он уходит с уроков? И вообще, мелкий, я так и не услышал твоего ответа. Бросай эти игры.

– Я не хочу.

– Не хочешь или не можешь? Тебе же велели не светиться!

Денис пожал плечами и вдруг кивнул на морщившуюся Женьку.

– Может, ей всё же к врачу?

Артур остановился, посмотрел на девушку.

– Нет, – она покачала головой. – Просто... мне нужно идти помедленнее.

– Просто не нужно было лезть куда не просят, – ядовито повторил Артур, но шаг замедлил.

Денег на такси ни у кого из них не оказалось, а до остановки нужно было сделать лишний крюк. Так они и тащились к Женькиному дому. Как черепахи, в общем, тащились. Удивительно, что не бросили ее по дороге.

– Проводить до квартиры? – Артур иронично изогнул бровь, когда они подошли к Женькиному подъезду.

– Да ладно уж. Не утруждайся. – Женя вздохнула. – Спасибо, что довели до дома.

– Не бросили, хочешь сказать?

– Ага. Не бросили.

Махнув Раевским рукой, обоим сразу, Женя поковыляла домой.

Было еще довольно рано, квартира пустовала и ждала ее, Женьку. И всё равно девушка заходила почему-то с опаской – мало ли? Она и не думала, что ее может так напрямч простое присутствие родителей дома, но да – напрягло. Она не любила нарушений привычного уклада – любое изменение заведомо казалось ей переменной не к лучшему. Да, она боялась перемен.

Стандартная в общем-то тишина квартиры сегодня радовала особенно сильно. С порога Женя запустила приложение с радиостанциями разных стран и, выбрав радио Великобритании, начала раздеваться и разогревать обед под милую фоновую болтовню ведущих-англичан. Вещание из другой страны, за сотни километров от нее, Женьки Высоцкой, всё

еще казалось ей вещанием из другого мира. Это и был другой мир. Женя представляла этих ведущих, которые сейчас (прямо сейчас, в этот момент!) сидели на радиостанции в Лондоне, переговаривались-перешучивались в прямом эфире, задавали вопросы гостям, смеялись, пили из больших кружек кофе или чай во время музыкальных пауз, отвечали на телефонные звонки и проводили многочисленные викторины. Да, это был другой мир, мир королевских традиций, древней истории, со всеми этими неизменными атрибутами вроде типичных лондонских кэбов, пабов и красных двухэтажных автобусов.

Некстати вспомнился недавний урок английского, когда они писали эти глупые эссе и к ней попало неприятное письмо от неизвестного автора. Кто же всё-таки удосужился такое написать? Даже будучи невысокого мнения о себе и своих способностях, Женька понимала, что в желании обидеть нет ничего особо объективного или достойного внимания. Автор записки волновал больше, чем ее содержание. И кому какое дело до ее мечтаний? Кому вообще какое дело до того, о чём мечтают другие?

Она с трудом могла представить человека, который готов тратить время и силы на глупые писульки. Ну, допустим, не любит ее кто-то... и что дальше? Строчить записки? А смысл? Да и понятие нелюбви тоже весьма относительно. Любовь или ненависть – слишком сильные чувства, чтобы встречаться на каждом шагу, особенно по отношению

к Женьке. Вот не замечать ее, ненамеренно игнорировать – это сплошь и рядом.

...Она отодвинула от себя чашку с чаем, судорожно сцедила пальцы. Радио вещало фоном, не проникая в ее мысли, настоящий британский акцент неожиданно успокаивал. Вот бы уехать туда, где никто ее не знает... Где никому не придет в голову сказать, что она серая и никому не интересная. Просто потому, что никому не будет до нее дела, а не потому, что она ничего из себя не представляет... Но только в кино герои могут сбежать в другой мир, когда привычный уже перестает устраивать. В жизни... в жизни же она была единственной девочкой, которая, находясь в состоянии абсолютной невесомости, продолжает, к своему ужасу, крепко стоять ногами на земле. И эти ноги день за днем ходили привычными маршрутами – в школу и домой.

Раньше Женька, бывало, ходила домой одной дорогой с Максом Стрельниковым. Ну, получалось так. Не специально. Особенно в те дни, когда у нее была подготовка к олимпиадам по английскому, а у Стрельникова тренировки по баскетболу. Заканчивались они примерно в одно время, и Женька с Максом встречались в раздевалке или на выходе из школы. Ну не пойдешь же поодиночке, когда идти всё равно одной дорогой? Сначала, конечно, они и попробовали ходить по отдельности, но выходило глупо. Женька старалась ускорить шаг, но обогнать Макса не получалось, а идти слишком медленно не хотелось. Потом они всё равно стал-

кивались на светофорах, и тогда она с досадой думала, зачем ей было спешить или отставать. Светофор всё уравнивал. Стрельников же вообще о таком не парился. Пару раз столкнувшись с Женькой в одном и том же месте, он начал подшучивать по поводу подстроенных встреч, и вот уже оглянуться она не успела, как они, не сговариваясь, начали ходить вместе. Конечно, чаще всего, если они встречались на выходе из школы, находился еще кто-то, кому непременно нужно было в ту же сторону, так что ничего романтического в этих походах и не было. Но бывало... бывало и так, что вся дорога принадлежала только им двоим, и в эти моменты они были не школьниками, не учениками своих классов, они были просто парнем и девушкой, которым по пути.

В последний раз ей повезло пройти с ним до дома не так давно. После длинного, в несколько месяцев, перерыва они снова столкнулись у школы и неожиданно рассмеялись, увидев друг друга.

– С дополнительных по английскому? – спросил Макс. – Ты скоро англичанкой станешь, Женечка!

– А ты тогда кем? Леброном Джеймсом?

– Знаешь Леброна?

– Ну не лично, – она пожала плечами, и оба снова рассмеялись.

С Максом ей всегда было легко, но зато потом... потом она могла думать только о нем. Ей казалось, она слишком мало с ним общается, чтобы ее симпатия была кому-то за-

метна. Но в тот день их видели со стороны Драконихи. Конечно, они очень мило посекретничали в столовой на большой перемене, где Женька не отрицала, что да, так и есть, Макс нравится ей, и довольно давно. Она знала, что они никому не расскажут – подружки же. Не раз уже были всякие ситуации и проверки на прочность, так что да, она им верила.

Через день она обнаружила в своем телефоне незакрытые сообщения, где Драконихи активно мусолили ее симпатии и ее легковерную наивность.

– А еще доверчивость, глупость и безмозглость, – подытожила она свои мысли, решительно вставая из-за стола с недоеденным обедом. В замке заворочался ключ – пришла мама. К тому моменту, когда она вошла в кухню, Женька сидела на стуле с перекошенным лицом, держась за лодыжку рукой.

– Женька... Жень, ты чего?

– Невесомость, – пробормотала девушка.

– Что?

Женя вздохнула.

– Так бывает... когда невесомость отключается и происходит столкновение с землей, – серьезно объяснила она.

* * *

На следующее утро Женька пришла в школу только к третьему уроку. После поездки в травмпункт родители сначала хотели оставить ее дома и хорошо, что передумали. На поро-

ге ее окликнул знакомый голос, и, ощутив как ее внутреннее «я» прокатилось на американских горках, она обернулась и увидела Стрельникова.

– Тоже прогуливаешь, Высоцкая?

– А ты прогуливаешь?

– Скорее – прогуливаюсь. Что с ногой?

– Просто растяжение. Жить буду.

Не успели они войти внутрь, как стало понятно, что в школе сегодня явно веселее, чем в травмпункте. Едва Женька переступила порог, как на нее налетела Мирка с громкими причитаниями в духе «где-ты-была-ты-столько-пропустила-у-нас-тут-творится-такое!». Пока Стрельников ржал как конь над потоком Миркиной речи, а Женя силилась разобрать в ней отдельные предложения, возле спортзала возник Артур Раевский, и увидевший его первым Стрельников присвистнул.

Под глазом Женькиного одноклассника растекался огромный синячище.

– Нехило его. За что с ним так?

– С ним? – поразила Мирослава, резко оборвав монолог. – Да я же говорю – это он, он напал первым!

– На кого?

– За что?

– Да на мелкого какого-то. Из восьмого, что ли, класса.

– Можешь нормально объяснить, что случилось?

– Раньше я не знал, что у него есть брат, – задумчиво ска-

зал Макс, не отводя взгляда от Раевского, который в эту минуту, заметив их, плюхнулся на скамейку и, откинув голову к стене, закрыл глаза.

– А что с восьмиклассником?

– Да просто испугом отделался, если честно, – Мирка пожала плечами. – А вот Артурчик равновесие потерял и вписался лицом в дверную ручку.

– А за что он...

– Да чепуха какая-то. Этот мелкий выпендривался в коридоре, что таких, как Раевский, надо в тюрьму сажать.

– Страсти кипят, я смотрю, – снова присвистнул Макс. – Ладно, девчонки, пора в класс...

– Высоцкая, Стрельников! – раздался громкий окрик завуча в холле. – Пропустили контрольную по химии, милости прошу ко мне вместо физкультуры, от которой вы так прекрасно вместе освобождены.

А Женька еще так радовалась, что контрольная прошла мимо нее. Она же совсем не шарит!

– Но...

– Без разговоров, Высоцкая, – подытожила завуч и степенно удалилась.

– Ну и как я буду писать контрольную по тому, в чём совершенно не соображаю? – вздохнула Высоцкая.

– Эй, да не парься, мы же написали, – Мирка закинула подруге руку на плечо. – И вообще, ты же знаешь наше правило? В любой непонятной ситуации надо что сделать?

– Поесть, – фыркнула Женя. Мирослава расхохоталась.

В принципе, если хорошенько покопаться в собственных ощущениях, Женьке особо не из-за чего было переживать. Этот день пока что не был ни грязно-коричневым, ни черным, и уж точно он не был серым. Поэтому сегодня немного хромающая, переживающая из-за химии, думающая о Стрельникове и, в общем-то, очень счастливая из-за того, что вчерашнее неприятие школы успешно испарилось, Женька Высоцкая казалась себе человеком, живущим почти что вне пузыря.

Ей удавалось сохранить это настроение и через урок, на большой перемене, когда Вадик и Мирка унеслись проводить кастинг на радио, а сама Женька засела в столовой.

«Займи нам места и не ешь наши порции! – сказал Вадик на прощанье. – Мы найдем самую говорливую деву и вернемся».

Вокруг царили обеденные гвалт и гомон. Женьке удалось удержать два стула возле своего стола свободными, но необходимо было не терять бдительность. За ее спиной кто-то бухнул на пол рюкзак и уселся, двинув стулом. Ножки металлически проехали по полу, заставив девушку вздрогнуть. Поморщившись, она обернулась и увидела спину Раевского-старшего.

Она помолчала, не сразу найдясь со словами.

– Почему ты не рассказал? – вдруг спросила она. – Про

«слаб».

Артур за ее спиной поднял голову.

– Что?

Женька развернулась на стуле и снова уставилась прямо перед собой.

– Завучам. Ведь твой брат действительно ничего не крал.

– Издеваешься надо мной?!

– Нет. Но ты же сам хотел отвадить его от этой компании.

Ты бы и с их играми завязал, и брата оправдал.

Артур помолчал. Пока он наверняка раздумывал над очередной уничижительной речью, Женька пила бледный компот, который сегодня вдруг показался ей не таким мерзким, как обычно.

– Почему ты не боишься, что я тебя прибую? – наконец спросил Раевский. – Посмотри, со мной никто не разговаривает.

Да, он и правда сидел один. Но вряд ли потому, что его никто не любил, или потому, что он полез в драку с тем восьмиклассником.

– Может быть, это ты ни с кем не разговариваешь? – Женька пожала плечами. – И потом, если ты не прибил меня тогда у кабинета директора, то уже и не прибьешь. Ну а еще за это сажают, – добавила она так, будто это было последним аргументом.

Артур вдруг фыркнул.

– А если серьезно... почему всё же нет? Не хочешь закла-

дывать?

– Ясное дело. Да и потом, он взрослый. Сам решил заниматься этой фигней, вступить в этот клуб Неслабаков, сам пусть и выпутывается.

Женька засмеялась.

– Клуб Неслабаков? Серьезно?

– Да, так они гордо себя называют, – саркастически откликнулся Артур.

– Тогда чего же ты впрягся в драку, а?

– Слушай... – снова начал Раевский.

– Уф... – Мирка плюхнулась на свободный стул и с ходу заглотила добрую половину компота. – Как я устала слушать всяких писклявых девиц! Ты не представляешь, сколько их в нашей школе.

– Ну почему же? – Вадик с королевским достоинством уселся на соседний стул. – Одна была ничего.

– Да что ты? Просто запал на нее, признайся!

– Ой, всё, – отрезал Сухов.

– Вот и всё. Но кого-то найти придется. – Мирка вздохнула и принялась за еду.

– Конечно. Радио не должно заглохнуть, а то мы с Саней будем вести еще больше эфиров.

Женька повернула голову, пользуясь бурной дискуссией одноклассников. Артур прошествовал мимо, закинув на плечо рюкзак. Даже с синяком под глазом он умудрялся выглядеть невозмутимым.

– Проблема в том, что адекватных кандидатов в нашей школе нет, – продолжала, расправившись с порцией, Мирослава.

– Мне кажется, вы немного преувеличиваете масштаб трагедии, – сказала Женька улыбаясь.

– Преувеличиваю? Не тебе же это делать! Или что, может, тогда всё же сама встанешь в эфир, а?

Женькина улыбка быстро погасла.

– Действительно. Не мне. И как я могла забыть.

– Эй, Женечка! – Высоцкая вздрогнула, поняв, что, погрузившись в свои мысли, умудрилась не заметить подошедшего Макса. – Ты готова к контрольной?

– О да, – она вздохнула и встала. – Как думаешь, удастся списать?

Стрельников хмыкнул.

– Сомнительно.

– Посмотрите-ка на них... – протянул неугомонный Вадик, а Мирка толкнула его в бок.

– Идите, идите, каторжники.

Уловив елейность их голосов, Женька повернула голову и показала им кулак. Друзья скривились в одинаковых улыбках и одновременно помахали ей.

Женька вздохнула.

Она чувствовала себя еще более уязвимой и несчастной, когда они с Максом шли через столовую, где каждая вторая девчонка улыбалась ему как лучшему другу или претенденту

на роль парня. И он улыбался в ответ. Почти всем. Всем, кого видел. И что-то говорил. И у Женьки всё ниже падало сердце. Ей он тоже так улыбался, а это означало только одно: никогда не придумывай себе то, чего нет.

Так что на контрольную она пришла в весьма вздернутом состоянии. Да еще и химичка посадила Стрельникова напротив нее, а сама села между ними, так что ни списать, ни сосредоточиться Женька была совсем не в силах.

Только начали, как из коридора раздались раздраженные голоса и Ирина Олеговна вышла из кабинета, оставив дверь открытой. Пользуясь тем, что она переступила порог, повернувшись к классу спиной, Женька кинула взгляд на Макса.

– Как успехи? – спросил он шепотом. Она пожала плечами.

– Пишу, но чувствую, что ерунда.

– Мне обещали скинуть и твой вариант, – Стрельников вытащил из-под парты руку с телефоном, – так что я тебе перекину, не волнуйся.

Женька покачала головой, опуская взгляд в парту.

– Ты чего?

– Да просто... – она почувствовала, как ее щеки заливают краска, – скажи честно, тебе доплачивают, чтобы ты был таким милым?

Стрельников в первую секунду словно не нашелся с ответом. Потом улыбнулся.

– Я...

– Заходи. – Ирина Олеговна открыла дверь шире, пропуская Раевского в кабинет. – И сиди здесь, пока это всё не закончится.

Прежде чем выйти, она бросила на Женю и Макса предостерегающие взгляды.

После ее ухода из коридора донеслись звуки стихающих разгоряченных споров.

– Арт, – Макс развернулся на стуле. – Что, публичные экзекуции?

– Решают, убить меня сейчас или немного позже. – Артур не отводил пристального взгляда от Высоцкой. – А ты теперь меня преследуешь?

– Что? – поразилась Женя. – Лучше ничего придумать не мог?

– О, – только и сказал Стрельников.

– Не обращай внимания, – Женька уткнулась в листок с контрольной. – Ему надо на кого-то злость выплеснуть.

– Высоцкая, – Артур сел на место Ирины Олеговны и вытянул ноги. На бледном лице с горящими темными глазами разливался как будто нарисованный синяк. – В последнее время тебя стало слишком много. Так что уймись.

Женька фыркнула, но ничего не сказала.

– Весело, – только и выдал Макс. – О, вот и ответы.

Женькин телефон оповестил о новом сообщении.

– Ты просто меня спас, – сказала она, доставая телефон и игнорируя Раевского, который внимательно смотрел на них,

намеренно действуя на нервы.

Она принялась сверять задания контрольной с ответами и переносить на листок.

– Так я – ваше спасение, – заметил через некоторое время Раевский. – Если бы не мое появление... Хм... может быть, я должен воспользоваться этим?

Женька настороженно подняла голову. Стрельников только весело хмыкнул.

– Что, заложишь нас Ирине Олеговне?

– Смотри-ка, а вот Высоцкая, кажется, этому верит, – с широкой улыбкой протянул Артур. – Нет, надо было определенно этим воспользоваться.

– Слушай, если ты не собираешься нам помо... – рассерженно начала она.

– Здесь должен стоять пропан, – перебил Раевский.

– Что? – Женька замерла – одноклассник сбил ее настрой.

– В пятом задании. – Артур ткнул в ее лист пальцем. – А в этой задаче получается четырнадцать. Я уже решал эту контрольную. У меня был твой вариант.

– Но в ответах...

– Их сделали те, кто писал контрольную. Но это не ответы того, кто занимает призовые места на олимпиадах по химии, – скучаяще протянул Раевский.

– Выпендрейчик, – пробурчала Женька, но поправила те задания, на которые он указал. Скука на лице Раевского не переросла в выражение самодовольства. Он просто повер-

нулся и проверил листок с контрольной Стрельникова.

– Оставь мне одну ошибку, – заметил Макс. – Мне не нужна слава химического гения.

– Не бойсь, всё продумано.

За дверью снова начал нарастать гул.

– Я не понимаю, в чём суть таких претензий, если честно, – слышался голос Ирины Олеговны.

– В том, что если эти малолетние преступники и дальше будут учиться в школе...

Женька перевела взгляд на Артура. Тот только скрипнул зубами, глядя в стену напротив.

– Возмущенные родители – страшная сила, – заметил Стрельников.

– И я не понимаю, почему ваш директор не может поставить вопрос ребром! – Дверь кабинета рывком распахнулась.

– Артур, – завуч вошла в кабинет. – Можешь идти.

– А как же...

– Вопрос временно улажен. С твоей мамой мы поговорим завтра утром. А вы, – Ирина Олеговна посмотрела на Женьку и Макса, – сдавайте работы живо. Мне еще предстоит разборки.

Не нужно было повторять дважды. Высоцкая и Стрельников вырвались в коридор, радуясь, что так быстро отделались. До конца урока еще оставалось минут пятнадцать.

– Что у вас последним уроком? – спросил Макс, пока они шли по тихой пустой школе.

– Русский.

– А у нас история. Пойдем в столовку?

– Что?

– Ну время еще есть. Надо же где-то скоротать...

В окно второго этажа Женька увидела Артура, раздраженно вышагивающего от школы. Видимо, ему удалось выскочить на улицу.

Она всё видела, замечала, а сердце сжималось только от одного неясного ощущения: Стрельников позвал ее с собой... Пусть в столовую, главное, что они весь урок проводят вместе. Миркин голос в голове уже вопил на все лады, чтобы она не смела упускать такой шанс.

Она и не смела.

Они уже почти дошли до лестницы, по которой коротким путем можно пройти к столовой, когда из кабинета директора показались классная руководительница и Ирина Олеговна.

Может, верно говорят, что, когда ты чего-то хочешь, вся вселенная помогает это обрести. Может, действительно так. Но Женька знала, что верно говорят и другое. Если чего-то случиться не должно, вселенная постоянно будет выдвигать препятствия и ставить палки в колеса.

– Артур – хороший мальчик, – говорила Женькина классная. – Я ни разу за три года не слышала от него ничего дурного. Да и поводов он никогда не подавал.

– Я понимаю, Анна Александровна. Но сейчас мы должны

как-то успокоить родителей. Конечно, мы постараемся этого не допустить, но репутация обоих мальчиков сильно испорчена. Все эти слухи в школе, вы же понимаете...

– Эй, – Максим дернул Женьку за сумку, и к ней вернулось ощущение реальности. – Идем?

– Да, – Женька кивнула и пошла за Стрельниковым вниз по лестнице. Но на середине остановилась.

До перемены оставалось чуть меньше пятнадцати минут. Но за это время вполне можно взять по чаю и шоколадке и, удобно устроившись в пустой столовой, поболтать. О погоде. Учителях. Книжках. Планах на будущее. О чём угодно. Эти пятнадцать минут она потом будет вспоминать долго-долго. Они действительно будут принадлежать ей.

Пятнадцать минут реальной, настоящей жизни для Женьки Высоцкой. Девочки вне пузыря.

– Извини, Макс, – сказала она, глядя на него с высоты лестничного пролета. – Я не могу пойти. Мне нужно... по делам. Спасибо за ответы.

И еще она знала совершенно точно. Эти пятнадцать минут ничего бы не значили для него. Так что правильно она не пошла.

Наверное.

Артур так сильно хлопнул входной дверью, что в маминей комнате зазвенела люстра.

Мама вышла из кухни, закинув очки, в которых сидела за компьютером, как солнечные, на лоб. Посмотрела вопросительно.

– Я уж было подумала, Денис опять с уроков сбежал. Он вечно так дверью хлопает. Но нет, оказывается, сбежал ты. Это не может не радовать. – Говорила она это всё с язвительной интонацией.

– Сарказм? – Артур протиснулся мимо нее в кухню.

– А что еще остается, когда вы каждый день приносите очередную плохую новость.

– Тебе уже звонили из школы?

– Уже звонили, – сдержанно ответила мама, проходя в кухню вслед за Артуром. – Стоило мне выйти за порог школы, как ты накидываешься на какого-то школьника. У меня только один вопрос: чего ты ждал?! Мог бы напасть на него до моего выхода из школы, чтобы не пришлось и завтра возвращаться!

– Я не сдержался, – пробормотал Арт, наливая себе полный стакан воды и залпом опустошая его. – Слышала бы ты, что они говорили о Дэне.

– О, ты в кои-то веки заботаешься о брате, похвально!

– Меньше всего я хочу слышать в школе нашу фамилию, – выдавил сквозь сжатые зубы Артур. – Видеть, как все тычут в меня пальцами. Я просто хочу спокойно доучиться, не привлекая к себе внимания какими-то происшествиями. Но у Дениса, кажется, другие планы, и они мешают мне...

Он чуть было не проговорился, сказав, что планы Дениса мешают ему сохранить чистую репутацию. Если он хочет выиграть в том конкурсе, ему нельзя иметь замечания и уж тем более нельзя оказываться в такой истории. Но маме не следовало знать про конкурс, она может случайно проболтаться и...

Правда, сейчас мама ничего не заметила. Она явно думала о чём-то другом. Внезапно в ее глазах появились слезы, и она поспешно отвернулась, вытерев их тыльной стороной ладони.

– Как же он не понимает?.. Если об этом прознает отец... – голос мамы стал глуше. Саркастичные интонации исчезли из него. – Если он узнает об этой истории, он... может забрать его, ты же знаешь. Он уже пообещал.

Внутри Артура что-то резко опустилось вниз холодной волной. Со своими переживаниями о конкурсе он забыл о главном страхе мамы – потерять Дениса.

Правда, так сложилось, что главный страх мамы был одновременно и главной мечтой Дениса, поэтому контролировать этот страх оказалось совершенно невозможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.